

Ж.Т. Тощенко

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Тощенко Жан Терентьевич, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (zhantosch@mail.ru)

Предтечи социологии жизни

Тысячелетия развития научной мысли накопили большой опыт интерпретаций общественных изменений, в каждой из которых предпринималась попытка ответить на вопрос: что собой представляет государство/общество во всех их проявлениях, в том числе в человеческом измерении. Объяснения сути и содержания происходящих процессов и явлений предпринимались и в древнем мире, и в средневековье, и в Новое время. Отдельные соображения о сущности жизни, в том числе в ее общественном воплощении, восходят к таким мыслителям древности как Сократ, Сенека и Марк Аврелий, средневековья и эпохи Возрождения как Августин Аврелий, Н. Макиавелли, М. Монтень, Б. Паскаль, к идеям французских просветителей и в первую очередь Ж-Ж. Руссо.

Однако начнем с момента, когда, стремясь отразить многообразие и сложность общественного развития, появилась формулировка – *философия жизни*. По мнению некоторых исследователей, этот термин впервые употреблен в появившемся трактате «О моральной красоте и философии жизни» (автор Г. Ширах) во второй половине 18 века [Подробнее см.: Михайлов, 2004: 210-211].

Следующие шаги по обоснованию философии жизни были сделаны В. Дильтеем (1833-1911) и А. Бергсоном (1859-1941), которых объединила критика рационализма. В своих трудах Дильтей трактовал «жизнь как поток», который богат многими предвиденными и случайными (специфическими) формами ее проявления. Объясняя происходящее в жизни, он развил учение о понимании как специфическом методе наук о духе, особо подчеркивая интуитивное постижение духовной целостности личности и культуры [Дильтей, 2000]. Бергсон трактовал жизнь как подлинную и первоначальную реальность, как космический процесс, «жизненный прорыв», как творческую эволюцию. В этой связи он определял структуру жизни как деятельность, которая, на его взгляд, строится из сознания, духа, памяти, и особенно интуиции, что стало в его учении базой отвержения рациональности [Бергсон, 1914].

Что явилось причиной появления этой концепции? На наш взгляд, в наступившей эре буржуазных революций и набравших силу капиталистических общественных отношений огромные массы народа были вовлечены

в социально-экономические и политические процессы развития общества и государства. Ломая привычный образ жизни, существовавшие в то время социальные общности и группы людей сталкивались с необходимостью приспособить свою жизнь к новым реалиям, и это приспособление шло не по логике линейного развития, а очень часто непредсказуемым путем. Именно эта противоречивость жизненного процесса нашла наиболее развернутое рассмотрение в творчестве Ф. Ницше(1844-1900). Будучи представителем философии жизни, он обратил особое внимание на иррационалистическое течение и понимание жизни. Он противопоставил два начала бытия – дионисийское (жизненно-органистическое) и «апполоновское» (созерцательно-упорядочивающее). По его мнению, о том, что жизнь иррациональна, говорили революции, массовые, нередко кровопролитные эксцессы (бунты, забастовки, вооруженные стычки), которые отвергали последовательность и разумность происходящего [Ницше, 2013].

Но главное достижение первых шагов философии жизни заключалось в том, что в ее рамках был сделан вывод: народ во все большей мере становился субъектом исторического процесса, а его жизнь во всех ее проявлениях приобретает значимость не только для социальной практики, но и как предмет научного поиска.

Принципиально новый импульс развитию и обоснованию концепций философии жизни придали Шелер, Шпенглер и Зиммель. М. Шелер (1874-1928) противопоставил формальной этике Канта так называемую материальную этику ценностей, в основе которой лежало учение о деятельности человека как интенциональном (направленном) акте постижения ценности. Он считал, что жизнь есть «изначальный феномен», который не может быть растворен ни в феноменах сознания, ни в телесных механизмах.

О. Шпенглер (1880-1936) сосредоточился на проблемах развития культуры как определяющем моменте жизни общества. Он считал, что в культуре и ее «замкнутых организмах» (египетская, индийская, китайская и т.д.) выражается коллективная «душа» народа, которая и определяет жизненный цикл. Его идеи также носили характер ярко выраженного иррационализма. Шпенглер также утверждал, что жизнь –«спектакль множественности культур», каждая из которых имеет «собственную форму, собственную идею, собственную жизнь, собственную смерть» [цит. по: Михайлов, 2004: 210-211].

Г. Зиммель (1858 -1918) в попытке приблизить философию жизни к социологическим реалиям, выдвинул тезис, что основной проблемой жизни является противоречие между творческой ее пульсацией и ее объективизацией в застывших формах культуры (Зиммель, 1996). Зиммель также предпринял попытку своеобразного соединения философии жизни и феноменологии, полагая, что жизнь следует не рациональной, а «витальной» логике.

Этот этап в обосновании основных положений философии жизни характерен тем, что его общей чертой стало выступление против классического идеала рациональности, кантовской трактовки разума. Центром поиска стало обращение не к логическому доказательству, а к жизненному опыту, к реальной жизни во всем ее многообразии. Вместе с тем, преувеличение значения иррациональных аспектов философии жизни привело к тому, что некоторых философов (например, Ницше) стали обвинять в том, что своими трудами они подготовили почву (уже в реальной жизни) для оправдания различных проявлений человеческой деятельности, в том числе и иррациональных, как нацизм, тоталитаризм и даже фашизм.

На наш взгляд, именно новаторство философии жизни привело Жан Жак Гюйо (1854-1888) к выводу о необходимости и важности подойти к изучению реальности с позиций социологии, которую он назвал социологией жизни. Он констатировал возможность реального практического использования этого подхода, позволяющего опираться на измеряемые показатели для познания и использования результатов в социальной практике. Фактически, не употребляя этого термина, комплексный подход к исследованию всех аспектов жизни протестантов применил М. Вебер, когда писал свой труд «Протестантская этика и дух капитализма». Этот подход использовал и Э. Дюркгейм, когда он создавал «О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений» (совместно с М. Моссом), а затем «Самоубийство».

В отечественной социологии ряд идей, которые могут быть соотнесены с концепцией социологии жизни, высказаны Н.И. Лапиным [Лапин, 2009]. Философские основания социологии жизни анализировал Ю.М. Резник [Резник, 2001]. В трактовке виталистской социологии С.И. Григорьев использует понятия, которые роднят его с понятийным аппаратом социологии жизни [Григорьев, 2000]. Можно утверждать, что все больше социологов оперируют показателями отношения людей к реальным проблемам, ситуациям, ко всему тому, что происходит в общественной и личной (приватной) жизни, а также взаимоотношениями со средой, в которой они работают и живут.

Если рассмотреть все без исключения социологические исследования, нацеленные на изучение тех или иных сторон жизни людей или затрагивающие их, они обязательно предполагают включение в себя изучение жизненного мира, предстающего перед нами своими основополагающими характеристиками – сознанием людей, их поведением (деятельностью) и окружающих их средой. Иначе говоря, современные подходы, определяющие предмет социологии, заметно смещаются в направлении человековедения, к признанию того, что анализ проблем жизни людей все больше и больше становится объектом внимания социологии.

При этом уместны три замечания.

Первое. Понятие жизненный мир пришло в социологию тоже от философов, но которые ограничивались некоторыми умозрительными, хотя и логически выверенными размышлениями. Так, понятие «жизненный мир» в 1910 г. впервые бегло употребил Э. Гуссерль (1859-1938), хотя им стал широко использоваться несколько позднее, в 1930-е гг. На первых порах оно было скорее описательным, чем строго логическим определением. Но трактовка этого понятия им и его последователями дала возможность высказать ряд принципиальных соображений: это действительный, окружающий мир, основа («почва и горизонт», по выражению Гуссерля) теоретической и внетеоретической практики. Это не просто конкретный мир, но мир, имеющий общую структуру; это единство научного и обыденного, это осознание жизненного опыта, учет исторически сложившихся жизненных форм существования людей [подробнее см.: Мотрошилова, 1991; Мотрошилова, 2004:29].

Н.М. Смирнова, изучая творчество А. Шюца (1899-1959), отмечает: в его исследовании жизненного мира как единственной установки сознания важно учесть, что этот мир является воплощением *жизнепрактических* (подчеркнуто мною – Ж.Т.) смыслов, обладающих непосредственной очевидностью, и сочетанием различных форм взаимосогласованного человеческого опыта [Смирнова, 2009; Смирнова 2004 т.2:29]. Иначе говоря, философы подготовили некие исходные методологические установки, которые в той или иной мере впоследствии использовали социологи, хотя в большинстве случаев только частично, не употребляя этого понятия.

Второе. Справедливо утверждение, что прошло время, когда в социальных науках, в социологии, общество объявлялось первостепенным объектом анализа. Отчетливо выявилось, что “за концептуальным фасадом социоцентрических теорий обнаружилась пустота и оторванность от реальной жизни: ведь если “единицы” считать “нулями”, то теория никогда не сойдется с практикой” [Волков, 1995:10-13].

Третье. Выдвижение на первое место проблем человека не означает, что социология претендует на его познание в том смысле, как это делает биология или психология. Социология выделяет лишь те параметры в жизни человека, которые являются социальными по предназначению (поэтому социология употребляет понятие “личность”). Социология жизни претендует на анализ проблем, которые являются “вечными”, проявляющими себя в любых обществах, в любых условиях, на всех этапах человеческой истории и которые воплощаются в таком базовом ее понятии как жизненный мир.

Как базовое понятие, жизненный мир потребовал своей социологической интерпретации. На наш взгляд, его *первой исходной характеристикой является реально функционирующее общественное сознание во всем его многообразии и многозначности.* Социология имеет дело не с общественным сознанием вообще, безликим и аморфным, не имеющим начала и конца, не просто с некими логическими конструкциями, а с реально

функционирующим общественным (групповым, индивидуальным) сознанием, к которому следует подходить с особых теоретико-методологических и методических позиций, что выражается в эмпирически исследуемых его компонентах: *знание, мнение, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы и другие элементы сознания людей (например, социальное настроение, социальное самочувствие)*.

Второй базовой характеристикой жизненного мира людей является тот факт, что он не ограничивается анализом состояния общественного сознания. Оно (сознание) становится только тогда реальной силой, когда оно воплощается в поведении, деятельности, в действиях людей. Не секрет, что общественные намерения, желания, ориентации по тем или иным причинам не всегда реализуются в поступках, в акциях, в реальных делах.

Что мешает их претворить в жизнь - в этом состоит одна из важнейших задач социологического исследования. Поэтому для социологии важно познать процесс “превращения общественного сознания в общественную силу” (К. Маркс). Реализация прогностической функции сознания - гораздо более богатое по содержанию специфическое явление общественной жизни. В нем *переплетаются как научные, обоснованные знания, суждения и умозаключения, так и стихийное, продиктованное практическим опытом, непосредственное восприятие действительности и соответствующее ему действие.* Иначе говоря, реальное, практическое поведение – это функционирующая социальная жизнь в сложном переплетении закономерных связей и отношений и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений.

Именно такой подход к реальному поведению как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, функционирующему на практическом уровне, в условиях непосредственно жизненного опыта, способному предвосхитить (или включить в себя) все проявления, позволяет объяснить на языке социологии многие процессы, выявить общее, присущее им не только во всех сферах общественной жизни, но и в условиях различных социально-экономических систем. В этой связи хотелось бы напомнить характеристику социологии, данную П.А. Сорокиным (1928) как “науки, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных” [Сорокин, 1992:534].

Следовательно, *поведение людей выступает ступенью реализации всех или отдельных компонентов реально функционирующего общественного сознания.* Сознание и поведение неразрывно связаны между собой, обуславливают друг друга, постоянно взаимодействуя, обогащая друг друга и конфликтуя между собой. Поэтому их нужно анализировать в неразрывном единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Таким образом, *реальное, живое сознание и поведение – самые “богатые” по проявлениям социальные процессы.* Фактически они отражают как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях состояние обще-

ственных связей и взаимодействий во всем их многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они выступают чутким показателем состояния, хода развития и функционирования общественных процессов, всей общественной жизни. Их исследование - важный инструмент принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни - от экономической до духовной.

Однако, чтобы не впасть в субъективизм, необходимо брать во внимание не только сознание и поведение, а их функционирование в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих влияние всех видов **общественной макро-, мезо- и микросреды**. Это **третий компонент социологии жизни**.

В свою очередь, **макросреда** характеризует процессы, происходящие во всем обществе, которые опосредуют сознание и поведение людей как граждан, как членов данного общества. **Мезосреда** оказывает воздействие на сознание и поведение людей как жителей определенной территориальной социально-экономической общности, в которой они работают, отдыхают и выполняют функции творцов и потребителей. Что касается **микросреды**, то это непосредственное окружение, где человек взаимодействует на межличностном уровне и где существует контактная среда, весьма серьезно влияющие на результативность его поведения, на организацию его общественной и повседневной жизни. Социолог призван учитывать “особые жизненные обстоятельства”, определяющие сознание и поведение людей, “каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете, экономические обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные)...” [Маркс, 37:396].

Комплексный анализ социальной жизни открывает возможность исследовать ее не только на уровне общества, но и на других уровнях социальной организации - в регионах, в рамках определенных территорий, поселений.

Особое значение для выяснения сущности и содержания жизненного мира и соответственно для концепции социология жизни имеет анализ **смысла жизни**, имеющего большое значение для понимания социально-экономической и социально-культурной реальности.

Прежде всего, напомним, что в науке трактовка смысла шла по двум основным направлениям: во-первых, в теории смысла, в логической семантике, которые на формально-логической основе помогают понять, почему знак, обладающий смыслом, можно использовать в акте обозначения как “этикетку”, целесообразно соотносящую обозначаемое с общим порядком вещей. Во-вторых, в философии и психологии, а затем и социологии смысл стал соотноситься и применяться в трактовке, понимании и объяснении социальной реальности во всем ее многообразии и в первую очередь с таким коренным и ключевым понятием как смысл жизни.

Использование понятия «смысл жизни» венчает наши рассуждения о жизненном мире, о месте и предназначении человека окружающем его социальном мире, о роли и месте его жизни общества. Ведь социологические исследования показывают, что одни и те же действия могут быть пронизаны различным смыслом. Поэтому *в определении смысла жизни мы должны исходить не столько из теоретических построений, сколько из реальной действительности*, ибо только из нее мы можем извлечь то, что направляет сознание и поведение людей.

Анализ теоретических поисков и данных эмпирических исследований позволяет, на наш взгляд, утверждать, что *исходной характеристикой понятия «смысл жизни» являются цели-принципы*, которыми руководствуется люди, что позволяет им придерживаться устойчивых, жизненно важных ориентиров, в известной мере, конечной, венчающей жизнь высокой осмысленной установки, не зависящей от ситуативных процессов в обществе, в окружающей среде. Согласно А. Шюцу, смысл может быть связан не столько с научным, теоретическим познанием мира, желанием достичь истины, сколько с жизнепрактическими установками и ориентациями, обладающими *непосредственной очевидностью и сочетанием различных форм опыта, в том числе и исторического* (курсив мой – Ж.Т.) [Шюц, 2002: 89].

Смысл жизни предполагает, что люди отдают отчет *о сущности и содержании* своей жизни (осознанно или неосознанно, стихийно), о том, как и каким образом он будет удовлетворять свои потребности и интересы.

Структуру жизненного мира определяет *мера, своеобразный, навигатор*, по которым люди сопоставляют свои цели-принципы с нормами и требованиями окружающего его общества, сравнивая и согласовывая их с другими участниками жизненного мира.

Далее, смысл предполагает *осознание человеком своего предназначения и назначения окружающих его социальных институтов* (государства, семьи, образования, религии и др.), внутреннее приятие и понимание сущностного содержания своих действий и акций окружающих его социальных институтов.

Кроме того, это *процесс созидания и своеобразный компас*, которым руководствуется человек в своей общественной и личной жизни, *исходя (опираясь) на исторический и индивидуальный опыт*. Иными словами, это конкретное выражение определенной жизненной стратегии как поиска реализации своей личности в жизни [Абульханова-Славская, 1991].

И наконец, очень важная характеристика смысла жизни – *его превращение во внутреннюю активность, жизненную необходимость*, без реализации которой человек не представляет свое дальнейшее развитие и функционирование. Необходимость оправдывает достижение желаемых целей, к которым на основе глубокой внутренней мотивации стремиться человек [Чудновский, 2015:7].

Смысл жизни включает в себя и активное участие в его реализации. Подчеркнем, не просто готовность к реализации, а сам процесс превращение цели-принципа в созидательную, творческую деятельность [Леонтьев, 1999: 26]. И что особенно важно - смысл не может существовать вне согласования с действиями других участников, постоянно сопоставляться со смыслами других людей и в соответствие с этим принимать решение (открыто или латентно) - следовать принятой цели, вносить коррективы или отказаться от нее.

Некоторые исследователи указывают на связь трактовки смысла с культурой, подчеркивая, что она, а не национальность, не гражданство, определяет его основное содержание [Межуев, 2015:802-805; Синеокая, 2015, 12:125].

Все это позволяет утверждать, что *изучение жизненного мира (сознания и поведения людей в определенных социально-исторических условиях) переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человека и человечества.*

В этой связи уместно напомнить, что *общественное сознание и поведение становятся предметом изучения только в условиях гражданского общества* - общества, рожденного на определенной стадии исторического процесса, как результат эры новой истории, ведущей отсчет от периода великих буржуазных революций, от времени, когда общество отделилось от государства. Такое утверждение отвечает на вопрос, почему в условиях тоталитаризма, диктатуры, монополии власти не требуется изучение настроений, мнений людей, их судеб и перспектив жизни (как не требуется и сама социология).

Только в условиях гражданского общества человек может демонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни: он получает возможность действовать как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной степени зависит от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса. О том, что творцом и движущей силой развития этого общества является сознание и поведение людей, говорит образное выражение английского историка и философа Т. Карлейля (1795-1881): “Революции происходят не на баррикадах - они проходят в умах и сердцах людей”.

Таким образом, понятие - *жизненный мир* – это мир Человека, мир людей, мир в человеческом измерении, мир существования и функционирования человеческого потенциала, мир возможностей человека, его восприятия и реакции на происходящие в обществе перемены и его готовности понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым государством и обществом преобразованиям.

Обобщая, можно утверждать, что все сказанное позволяет нам назвать данную концепцию *социологией жизни*, так как она оперирует показателями взаимодействий людей в процессе решения реальных социальных проблем и отношения ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут.

Список литературы.

- Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. – М., 1991.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М., 1995.
- Бергсон А.* Творческая эволюция. – СПб, 1914.
- Бестужев-Лада И.В.* Советский образ жизни: Формы и методы его пропаганды. – М., 1980.
- Бестужев-Лада И.В.* Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социального общества и всестороннее развитие личности / Отв. ред. Л.П. Буева. – М., 1983.
- Большаков А.М.* Деревня (1917-1927). – М., 1928.
- Бугера В.Е.* Социальная сущность и роль философии Ницше. – М., 2010.
- Волков Ю.Г. и др.* Социология. – М., 1995.
- Гергилов Р.Е.* Влияние Ницше на немецкую социологию // Социол. журнал, 2006, №1.
- Герчиков В.И.* Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. – Новосибирск, 1984.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы, Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. – М., 1972.
- Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). – М., 2011.
- Дильтей В.* Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. – М., 2000.
- Ельмеев В.Я.* Методологические основы планирования социального развития. – М., 1974;
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В. (ред.)* Методология и методика системного изучения советской деревни. – Новосибирск, 1980.
- Зиммель Г.* Избранное. – М., 1996.
- Коган Л.Н. (ред.)* Социалистический образ жизни (опыт социологического исследования). – М., Свердловск. 1979.
- Кравченко С.А.* Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. – М., 2002.
- Лапин Н.И. и др.* Регионы России. Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009.
- Лапин Н.И., Коржева З.М., Наумова Н.Ф.* Теория и практика социального планирования. – М., 1976.
- Левада Ю.А. (ред.)* Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. – М.: Мировой океан, 1993.
- Левада Ю.А.* Ищем человека. Социологические очерки. 2000-2005. – М., 2006.
- Левашов В.К.* Россия на развилке социополитических траекторий развития // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. №4 (104). С.5-23.

Левыкин И.Т., Возьмитель А.А. (ред). Советский образ жизни: Состояние, мнения и оценки советских людей. – М., 1984.

Левыкин И. Т. Образ жизни как объект междисциплинарного изучения // Социологические исследования. 1981, N 1.

Лузан П.П. Планирование социального развития производственного коллектива. – М., 1972.

Леонтьев Д. А. Психология смысла. – М., 1999.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. – М., 1989.

Михайлов И.А. Философия жизни //Философская энциклопедия. Т. 4. – М., 2004.

Мотрошилова Н.В. Жизненный мир //Философская энциклопедия. Т. 2. – М., 2004.

Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. – М., 1991.

Межуев В.М. Ценности и смыслы в контексте культуры / Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избр. доклады (1995-2015). – СПб., 2015.

Ницше Ф. Полное собрание соч. Т.1. Ч.2 Несвоевременные размышления. М., 2013.

Олесневич Л.А. Социальное планирование на промышленном предприятии. – Киев, 1977.

Староверов В.И. (ред.). Копанка: 25 лет спустя. – М., 1965.

Плотников Н.С. Жизнь и история: Философская программа Вильгельма Дильтея. – М., 2000.

Покровский Н.Е. Нефедова Т.Г. (ред.) Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. – М., 2014.

Полозов В.Р. Социальное планирование производственных коллективов и его роль в ускорении социально-экономического развития страны. – Л., 1987.

Резник Ю.М. Социальное измерение жизненного мира. – М., 2001.

Руткевич М.Н. Социалистический образ жизни. – М., 1983.

Синеокая Ю.В. Философия Фридриха Ницше как зеркало конструирования постсоветской национальной идентичности России //Вопросы философии. 2015. №12.

Смирнова Н.М. Социальная философия в изучении современного общества. – М., 2009;

Смирнова Н.М. Жизненный мир //Философская энциклопедия. Т. 2. – М., 2004.

Соколова В., Кашина М., Чичилимов В. Все о нас и нашем коллективе: Концепция, методы и результаты диагностики образа жизни коллектива тираспольских швейников. – Кишинев. 1980.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

Толстых В.И. Образ жизни: Понятия. Реальность. Проблемы. – М., 1975.

Тоценко Ж.Т. Социальное планирование в СССР. – М., 1981.

Фролов С.Ф. Социальное планирование на промышленном предприятии. – Горький, 1969.

Чудновский С.А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX-XX вв. – М., 2015.

Штомпка П. Социология: анализ современного общества / Пер. с польского С. М. Червонной. – М., 2005.

Шюц А. Избранное: мир, освященный смыслом. /Сост. и пер. Н.М. Смирновой. – М., 2004

Ядов В.А. (ред). Социология в России. – М., 1996.

Дополнение 1:

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНИ КАК КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Есть ли в современной отечественной социологии научные школы? Если мы рискнем задать этот вопрос любому социологу маститому или начинающему, можно с большой степенью уверенности утверждать, что он поставит их в тупик. Конечно, можно назвать имена и не одно, тех, кто известен как ученый и в нашей стране, и за рубежом, кто провел не одно крупномасштабное исследование, получил значительные и интересные результаты. Но школы, которые определяли бы все многообразие современной отечественной социологии, характеризовали принципиальные отличия между ними, вряд ли назовут. С точки зрения западных коллег, мы все на одно лицо: марксисты или бывшие марксисты (последнее утверждение не отменяет первое). Но даже у тех, кто отрекся от марксизма, имеющаяся аргументация, демонстрация самостоятельности нередко звучат сиротливо, неубедительно, порой даже убого.

Эта одноликость, однообразие концепций российской (советской) социологии особенно бросается в глаза, когда мы читаем, знакомимся или исследуем историю западной или дореволюционной отечественной социологии. Что касается западной, то, напомним, мы всегда встречаемся с описанием (характеристикой) структурного функционализма, теорий социального действия, конфликта, (нео)бихевиоризма, феноменологической социологии, этнометодологии и т.д. Все они имеют свое особенное толкование базовых теоретико-методологических и методических принципов, используют свой набор методов познания, свои подходы к построению и применению социологического инструментария. Иначе говоря, западная социология предстает перед нами букетом самых различных концепций, сосуществующих друг с другом, полемизирующих между собой, отстаивающих ценность и значимость своих исходных посылок. Причем, процесс обновления и появления новых школ не прекращается. Более того, в известном смысле он интенсифицируется, ибо за последние четверть века мы стали очевидцами появления новых концепций глобалистики, постмодернизма, новых институционалистов и др.

Аналогичную картину по многообразию концепций и теорий мы имеем в дореволюционной русской социологии. В ней известны школы, выражающие идеи народничества, географического детерминизма, этико-субъективную концепцию, органицизм, психологизм и т.д. Когда же переходим к советской или современной российской социологии, встречаемся с удивительным явлением *отсутствием аргументированных различий при трактовке базовых теоретико-методологических оснований, затрагивающих принципиальные вопросы прежде всего предмета и объекта социологии*. Конечно, близость и общность взглядов социологов отнюдь не озна-

чали и не означают такое же единство в концептуальных воззрениях членов социологического сообщества.

Нужно особо подчеркнуть, что до определенного времени отсутствие различных концепций в отечественной социологии можно объяснить тем, что мы все официально были социологами-марксистами, исходя из господствующей тогда идеологии, исключающей возможность существования любой другой. И если в рядах социологов вдруг обнаруживались разночтения, то их пытались объяснить тем, что некоторые исследователи: 1) не совсем усвоили суть марксистской доктрины; 2) некритически воспринимают опыт социологической мысли Запада; 3) недостаточно подготовлены для социологического изучения советской действительности. И хуже всех приходилось тем, кого подозревали в сознательном искажении марксистской теории, тогда наступали санкции, которые стали характерной чертой общения социологов с официальной властью в 1960-1970-е годы.

Надежды на демократические преобразования в России, которые снимут идеологические оковы с общественной мысли, увы, не оправдались. Появившиеся же попытки более точно обозначить свою позицию приводят к тому, что мы, по меткому выражению Р.В. Рывкиной, по-прежнему занимаемся «примыкательством», причисляя себя то к понимающей социологии, то к структурному функционализму, то к теории конфликтов, то еще к чему-то другому, что представлено в концепциях наших западных коллег, ибо восточных мы не знаем. Не менее верно замечание Е.С. Баразговой: "Молодые социологи, усваивая веяния западной социологии, становятся в большей мере эпигонами, нежели создателями национальной социологической школы" [Баразгова Е.С. Нетрадиционная социология в России? // СОЦИС. 1997. № 10. с. 121]. Более того, что удивительно, у нас появились российские (!) учебники и учебные пособия, в которых ни разу не упомянуто слово Россия.

Дополнение 2.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОКИ СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНИ

В отечественной социологии накоплен некоторый опыт эмпирического изучения жизненного мира россиян. В 1928 г. в свет вышла книга А.М. Большакова «Деревня (1917-1927)», в которой дан всесторонний анализ жизни сельских жителей одной из волостей Тверской губернии. В этом уникальном (неоправданно забытом) произведении обстоятельно рассматривались все аспекты жизни людей, начиная от прошлого сельских поселений до частушек, которые пели крестьяне в то время. Ни одна сторона жизни сельских тружеников не осталась вне поля внимания – ни социально-экономическое положение жителей, ни работа партийной (большевиков) и комсомольской организаций, ни компания по ликвидации неграмотности, ни взаимоотношения с церковью. Иначе говоря, не было такого ас-

пекта в жизни крестьян, который бы остался вне поля зрения исследователя. В результате мы имеем красочную и объемную картину крестьянской жизни во всем многообразии, почти физически позволяющую ощутить ее реальное и наглядное наполнение [подробнее см. Большаков, 1928]. К подобным всеохватывающим трудам можно отнести и исследование жизни жителей села Копанка (Молдавия), повторенное в 1960-е годы, где также была предпринята попытка анализа всех аспектов жизни населения этого села [См.: Староверов, 1966].

Возвращение к этой традиции – изучению жизненного мира людей – было непростым, противоречивым и неоднозначным, но в то же время знаменательным, так как новые потребности в развитии советского (русского) общества диктовали необходимость комплексного анализа всех сторон жизни людей. Однако в социологии 1950-2010 гг. преобладало исследование различных сторон жизни людей – труд, отдых, участие в политической и культурной жизни, межнациональные отношения. Однако исследований, которые бы предприняли анализ всех аспектов жизни людей в их целостности и неразрывности не так уж много.

Поэтому наряду с начавшимся бурным потоком отдельных социологических исследований социально-экономических и социально-культурных проблем в начале 1960-х гг. возникло и сформировалось уникальное, специфическое явление – социальное планирование, выразившееся в разработке и внедрении планов социального развития сначала трудовых коллективов, затем и территорий. Начало этой научной и практической деятельности положила инициатива ленинградских ученых и руководителей предприятий города.

Одним из первых таких научно-прикладных документов стал план социального развития научно-производственного объединения «Светлана». Уникальность этого документа состояла в охвате всех проблем социальной жизни людей, выходящих далеко за пределы производственных забот – в нем были отражены потребности повседневной жизни людей, жилищные условия, организация свободного времени, здоровье, физическая культура и спорт и т.д. Не было ни одной социально значимой ниши, которую бы не затрагивали в своем поиске исследователи и которую бы игнорировали руководство и общественные организации объединения [См. Ельмеев, 1974; Полозов, 1987]. Уже в 1970-х годах были опубликованы работы, обобщающие результаты этого научного поиска и практического почина, анализировавшие все стороны трудовой, социально-политической и культурной жизни людей в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве. Были сформулированы рекомендации по использованию этих принципов на других уровнях социальной организации общества [См. Лапин и др., 1976; Лузан, 1972; Тощенко, 1981; Фролов, 1970].

В летописи отечественной социологии запечатлен вклад так называемой заводской социологии, представители которой (В.И. Герчиков,

А.К. Зайцев, Б.И. Максимов, В.В. Щербина и др.) осуществили поиск социальных резервов, касающихся практически всех сторон жизни людей [см. например, Щербина, 2008]. Именно их усилиями планы социального развития стали руководством в реальной практике управления социальной жизнью производственных коллективов, эффективным средством решения перспективных и текущих проблем.

Отмечая огромную роль планов социального развития в анализе и регулировании социальной жизни людей, можно сделать заключение, что они все же в первую очередь рассматривали проблемы трудовой деятельности, ее социальные ресурсы. И это не могло быть иначе, так как перед производственными единицами – заводами, фабриками, стройками и т.д. - конкретно и объемно стояла задача решать производственные задачи, а социальные аспекты жизни рассматривались как мощный резерв их успешного решения. Вполне естественно, научную мысль не мог не волновать и не заинтересовать социальное содержание жизни людей как таковых вне зависимости от одной из ее сторон, даже такой важной как трудовая деятельность. И вот в недрах социологической мысли уже в 1970-х годах сначала в теоретическом плане, а затем в прикладном, стали крепнуть идеи о необходимости исследовать социальную жизнь людей посредством понятия *образ жизни*. Шагнув из недр литературной и журналистской лексики, это понятие стало постепенно обретать все более отчетливые показатели его социологической интерпретации, измерения и использования в процессе управления. Что касается теоретического осмысления этого феномена, было уделено внимание соотношению образа жизни с понятиями «уровень жизни», «стиль жизни», а несколько позже «качество жизни» [Толстых, 1975; Руткевич, 1983].

Одновременно перед социологами возникла проблема операционализации понятия "образ жизни", каковую одними из первых во второй половине 1970 гг. попытались осуществить исследовательские коллективы под руководством И.В. Бестужева-Лады (р.1927), Л.Н. Когана (1923-1997), И.Т. Левыкина (1923-1994) [Бестужев, 1980, 1983; Коган, 1977; Левыкин, 1981, 1983, 1987]. В их концепциях, образ жизни первоначально конструировался по четырем сферам: труд, быт, общественно-политическая и культурно-образовательная деятельность. Затем представление о нем было доведено до 14 блоков, включая быт; показатели брака и семьи; образование; национальные отношения и антиобщественные явления. Были расширены показатели условий жизни (материальное благосостояние, социальное обеспечение, транспортное обслуживание, состояние окружающей среды) и введен дополнительно блок показателей стиля жизни (жизненная ориентация). Все это по сути дела означало попытку в комплексе охватить все жизненные реалии и ответить на вызовы времени, решить не отдельные, пусть значительные проблемы, но и особенные, даже специфические аспекты жизни людей [См.: Бестужев-Лада, 1983: 93-96].

Изучение образа жизни быстро развивалось в 1970-1980 гг. От общесоюзных исследований они шагнули на предприятия, в сельские поселения, в регионы. Одним из уникальных и особенно удачных, методологически выверенных трудов стала монография, построенная на данных жизни работниц Тираспольской швейной фабрики, собранных и осуществленных В.В. Чичилимовым [см, Соколова, Кашина, Чичилимов, 1980]. В книге красочно, наглядно и убедительно описывались все без исключения заботы, тревоги и проблемы женского коллектива предприятия – от характеристики трудовых будней до работы детского сада. Это тем более знаменательно, что продукция фабрики потреблялась не только на внутреннем рынке – она импортировалась по заказам французских предпринимателей.

Глубокое и обстоятельное исследование образа жизни одной из важнейших социальных групп – крестьянства – осуществил коллектив под руководством Т.И. Заславской (1927-2013) и И.В. Рывкиной (р.1926): анализ состояния и изменений жизненных путей сельских жителей ряда районов Западной Сибири ([Заславская, Рывкина, 1980]. Последним из крупномасштабных, близких по логике к исследованию образа жизни явился опрос ВЦИОМ по репрезентативной общесоюзной выборке в ноябре 1989 г., результаты которого легли в основу известной монографии "Советский простой человек"[Левада,1993].

Комплексное изучение социальной жизни людей в условиях постсоветской России нашло отражение в крупномасштабных исследованиях Института социологии и Института социально-политических исследований РАН. В Институте социологии ряд исследований подводили итог развития страны в его человеческом измерении как с начала перестройки (1985г.), и в сравнении с началом 1990-х гг. В них был и выявлены черты жизненного мира людей, их проблемы как текущие, так и в ретроспективе, выявлены изменения в установках и ценностных ориентациях россиян. [Подробнее см.: Горшков, 2011]. В ИСПИ РАН почти четверть века под руководством В.К. Левашова осуществляется мониторинг многих сторон жизненного мира людей с акцентом на социально значимые его компоненты [Левашов, 2007, 2011]. Уникальное на наш взгляд, исследование всех аспектов жизни сельских жителей Угорского района Костромской области осуществляет Н.Е. Покровский, в котором делается плодотворный поиск ответа на злободневную проблему – что собой представляет жизнь современной российской деревни в специфических условиях российского Севера с учетом особенностей данных поселений [Покровский, Нефедова, 2014].

Что же, на наш взгляд, объединяет эти многосторонние, комплексные исследования жизни россиян? Есть ли какие-то общие черты и характеристики с другими социологическими исследованиями, которые посвящены отдельным компонентам жизненного мира людей – труду, политике, социальной структуре, культуре, религии и т.д.? На наш взгляд, интегрирующим моментом, пронизывающим все без исключения исследования

социологов, которые осознанно или в известной мере стихийно применяются в своем поиске истины – это изучение жизненного мира людей в единстве общественного сознания во всех его формах и проявлениях, поведения (деятельности) людей и окружающей их среды.